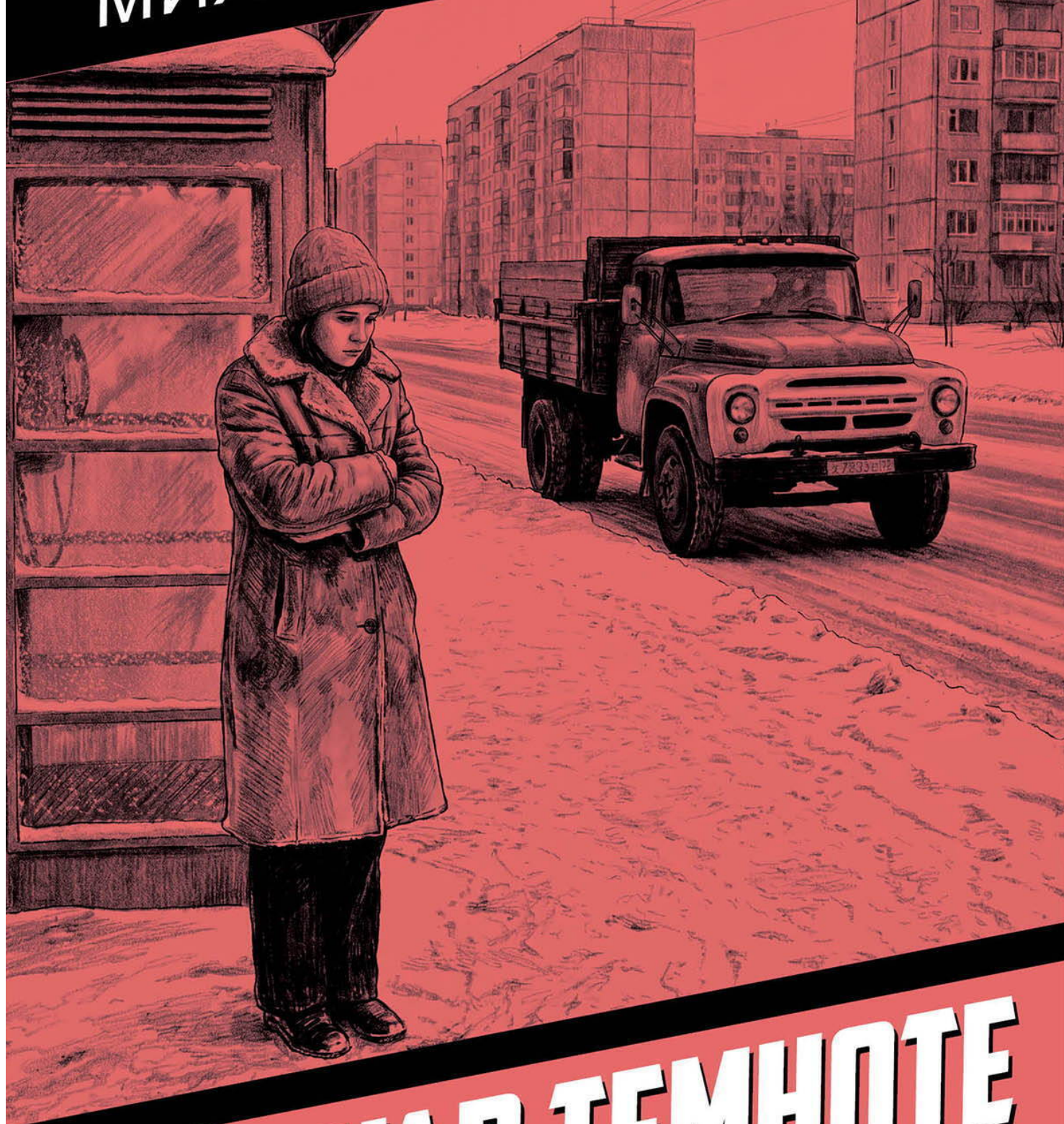

МИХАИЛ
МИХЕЕВ

ПОИСК В ТЕМНОТЕ
ТАЙНЫЙ
ФРОНТ

Тайный фронт

Михаил Михеев

Поиск в темноте

«Алисторус»

2026

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7

Михеев М. П.

Поиск в темноте / М. П. Михеев — «Алисторус»,
2026 — (Тайный фронт)

ISBN 978-5-00269-603-1

Михаил Петрович Михеев (1911–1993) – замечательный советский поэт и признанный мастер остросюжетной литературы, корифей советского детектива, шпионского романа и фантастики. В этой книге он открывает темную сторону благополучной и стабильной советской жизни. Михеев не просто плетет сюжетную интригу. Он воспроизводит мир, в котором действуют живые люди, характер которых раскрывается постепенно – по мере выпадания скелетов из шкафов. Старший лейтенант милиции Евгения Грошева – любимая героиня Михеева – расследует смерть молодой девушки, бросившейся под грузовой автомобиль. Что это – суицид или все-таки убийство? Артистические способности помогают Грошевой внедриться в круги советского «полусвета». Это будет увлекательное приключение... Книга предназначена для всех ценителей настоящей литературы и криминального романа.

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7

ISBN 978-5-00269-603-1

© Михеев М. П., 2026
© Алисторус, 2026

Содержание

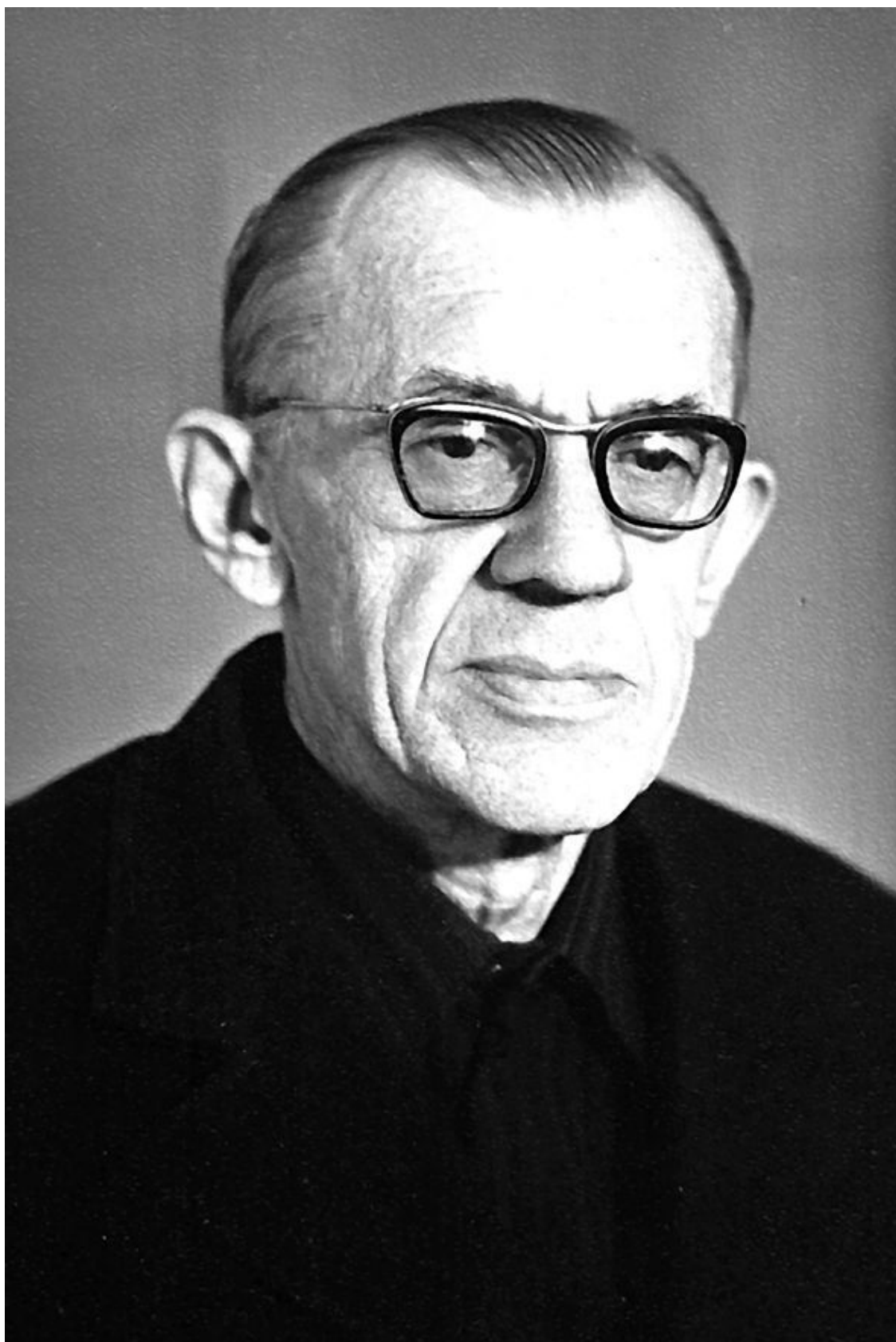
Девушка на обочине	7
Новый сценарий полковника Приходько	10
1	10
2	12
3	16
Кафе «Капельки»	22
1	22
2	25
3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Михаил Петрович Михеев

Поиск в темноте

© Михеев М.П., правообладатели, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Михаил Михеев

Девушка на обочине

Я прочитала все, что находилось в тоненькой папке следователя: показания водителя, заключение инспектора ГАИ, протокол осмотра места происшествия – профессионально составленный документ, в котором отсутствовали слова: «кажется, можно предположить...» и им подобные, какие, вероятно, привел бы газетный очеркист, описывая случившееся, – в протоколе указывались только факты и для их описания употреблялись слова, точные и однозначные.

Прочитала и заключение медэксперта – скрупулезное исследование специалиста, которое детям до шестнадцати читать, конечно бы, не следовало...

В папке была и фотография девушки – очевидно, из паспорта, а следовательно, была вложена в папку недавно – круглое личико с доверчиво распахнутыми глазами, пухлыми губами и ямочкой на остреньком подбородке... «Много эмоций и мало тормозов!» – подумала я и, закрыв папку, еще раз прочитала: «Дело о самоубийстве Зои Конюховой, учащейся новосибирского полиграфучилища, родившейся...»

До дня своей смерти она прожила всего восемнадцать лет и четыре месяца.

Вот так плохо распорядилась Зоя Конюхова восемнадцатью годами и четырьмя месяцами своей жизни, опрометчиво бросив их под колеса тяжелого панелевоза.

Мне предстояло отправиться в нелегкий поиск по ее уже остывшим следам, и я хотела на это как-то настроиться. Попытаться представить – просто так, для себя – все, что предшествовало событию, которое закончилось так жестоко и необратимо. И, прибавив немного воображения, попробовать догадаться, что девушка могла думать в эти минуты, перед тем как сделать свой последний роковой шаг.

Конечно, я не знаю, так ли все было?

Но теперь этого не узнает никто...

...Шел второй час ночи.

Днем выпал легкий, как пух, снежок, быстро растаял, но к вечеру опять подморозило. Ночь наступила – безлунная, темная, холодная ночь.

Дежурный в отделении милиции, отвечая на вызов «02», нажал клавишу селектора и снял трубку, – ничего особенного, случайный прохожий сообщил, что возле кинотеатра «Заря», что в Октябрьском районе, в кустах на земле спит пьяный, без ботинок и без пальто, надо бы его подобрать, пусть лучше проснется в медвытрезвителе, чем в больнице с воспалением легких.

Сообщив об этом куда следовало, дежурный встал, потянулся и тут опять повторился сигнал вызова. Дежурный услышал, как в трубке зашелестело – похоже на детское всхлипывание, потом то ли детский, то ли девичий голос произнес что-то невнятное, внезапно оборвался, и трубка замолчала.

Дежурный опустил на стул.

– Ноль-два слушает, говорите!..

Это не походило на случайный вызов, что-то там произошло на том конце линии, в районе неизвестного ему телефона, поэтому дежурный упрямо не выключал телефон селектора.

– Говорите, я слушаю... ноль-два слушает, говорите...

А сам уже снимал трубку городского телефона, чтобы через АТС узнать, откуда ему звонили...

Это была уже окраина города, район новостроек. Пока под жилье сдали одну девятиэтажку, на сто шестьдесят квартир, вторая стояла еще без оконных переплетов. Неподалеку от заселенной девятиэтажки, рядом с шоссе залили цементом площадку, для автобусной остановки. На площадке поставили телефонную будку.

Кругом было пусто и темно. Только автобусную остановку и телефонную будку освещал одинокий светильник.

Неподалеку остановилась легковая машина. Девушка с трудом выбралась, наверное, ее просто выпихнули на дорогу. И машина ушла. Отсутствующим взглядом девушка проводила удаляющиеся красные огоньки, неуверенно огляделась и пошатываясь побрела к автобусной остановке. Голова ее кружилась, похмельный туман застилал сознание, она еще не понимала, что с ней произошло, плохо соображала, куда идет и куда ей нужно идти.

Она шла к автобусной остановке, потому что там было светлее.

Возле телефонной будки ей стало совсем плохо, зыбкая тошнота подступила к горлу, она ухватилась за угол кабинки, согнулась, и ее вырвало тяжело и противно, она чуть не потеряла сознание и с трудом удержалась на ногах.

Вытащила из кармана пальто платок и вытерла им рот и глаза. Вздохнула поглубже, в голове ее чуть прояснилось... и вот тут она все вспомнила. Она вспомнила и как бы вновь пережила, прочувствовала все случившееся и содрогнулась, но уже не бессознательно, а от страха и жуткого, нестерпимого до боли отвращения.

Она увидела через стекло кабины висевший телефонный аппарат и до ее сознания дошло, что ей нужно позвонить. Сейчас ей плохо, очень плохо, а она знала, когда очень плохо, нужно снять трубку телефона, позвонить по «02» или «03», и тогда придут люди и ей помогут. Она вошла в кабинку, сняла трубку, с трудом попадая в отверстия диска, набрала «02».

– Я... меня... – она с всхлипом втянула воздух.

Она поняла, что не знает, как об этом сказать. Даже если придут люди, она не сможет им ничего объяснить. То, что с ней произошло, – это стыдно, страшно и отвратительно. И уже никто и ничем не сможет ей помочь... никто.

От жгучего ощущения стыда, страха и отчаяния у нее перехватило дыхание. Бессильно опустила телефонную трубку, даже не повесив ее на рычаг. Дежурный продолжал повторять: «говорите... ноль-два слушает...» – но она уже не слышала его.

Выйдя из будки, она подошла к поребрику дороги. Вгляделась в уходящее в ночь черное шоссе. Если бы сейчас к остановке подошел автобус, она, наверное, села бы в него и осталась бы жива.

Но автобуса не было. Людей тоже не было.

Она стояла на обочине одинокая, замерзшая, и холодное отчаяние затопило, захлестнуло ее сознание...

Водитель тяжелого панелевоза торопился.

Весь вечер ему пришлось «загорать» прямо на шоссе, пока случайно остановившийся водитель «Москвича» не выручил его запасным конденсатором. Конденсатор! Цена ему в базарный день ломаный грош, а вот, на тебе! Теперь придется ехать ночью, плиты на стройке должны быть к утру, иначе прораб снимет прогрессивку.

Улица была пуста, ни пешеходов, ни светофоров, ни дотошных инспекторов ГАИ – и шофер гнал машину так быстро, как только позволял старый изношенный мотор. Но мотор еще тянул, даже километров семьдесят набирал, под горку...

Девушку на обочине он увидел еще издали. Подняв воротник пальто, она стояла на краю поребрика, возле автобусной остановки. Или ждала автобуса – а какие ночью автобусы? Или просто собиралась перейти на другую сторону дороги. Фары горели, глядела она в его сторону, стало быть, машину видела.

Косясь на нее одним глазом – так, на всякий пожарный случай, – он потянулся в карман за папиросами. Может быть, если бы не потянулся за папиросами, то успел бы как-то среагировать, может быть... А девушка вдруг сделала два быстрых шажка ему навстречу, замерла на мгновение и страшным движением, как в воду, кинулась под колеса машины.

Он отчаянно крутанул рулевую баранку, нога сама вдавила педаль тормоза. Больше он ничего сделать не мог. Тормоза у машины были хорошие, колеса шли юзом, но тяжелый прицеп не давал машине остановиться.

Если она и вскрикнула, то из-за визга покрышек и скрипа тормозных колодок он ничего не слышал.

Только стукнуло легонько по крылу.

Машина остановилась, а водитель все еще сидел за рулем, и нога все еще продолжала прижимать педаль тормоза. Потом он заглушил мотор, толкнул дверку, выскочил. Обежал машину сзади. Он еще надеялся, что самого страшного не произошло, что девушка не попала под колесо, тогда бы тряхнуло (он бы услышал), он же видел, как ее крылом отбросило в сторону. То, что ее бампером ударило по голове, он – из-за капота – увидеть не мог.

Скомканная, смятая в комочек, она лежала у поребрика. Он опустился на колени возле нее, осторожно повернул ее, приподнял. Уже потом подумал, что, может быть, трогать ее не следовало. Горячие капли упали ему на руку, голова девушки неловко запрокинулась на твердом камне поребрика. Он сдернул с себя кепку, подложил ей под голову. Посмотрел на свою руку, вытер ее о куртку. Оглянулся и увидел телефонную будку.

Телефонная трубка все еще висела на шнуре, еще не подняв ее, шофер услышал голос дежурного, упрямо повторявшего: «Говорите, я «ноль-два», слушаю...»

Машина милиции прибыла даже раньше, чем «скорая». За «скорой» подкатил и дежурный ГАИ на желтых «Жигулях». Пока автоинспектор растягивал ленту рулетки, замеряя длину темных тормозных полос на асфальте, шофер опять присел возле девушки, но его отодвинули в сторону. Несколько раз сверкнула фотовспышка.

Потом врач потрогал голову девушки, приоткрыл ей веки, закрыл опять. Выпрямился.

– Что? – спросил шофер.

Врач только глянул на него и промолчал. Рядом поставили носилки. Шофер сам помог поднять девушку, осторожно придерживая ее, как бы боясь разбудить. Машина с красным крестом ушла.

Автоинспектор вытащил из сумки бланки протокольных дорожных происшествий, подзвал шофера. Тот глядел вслед уходящей «скорой» и не слышал, инспектор окликнул его еще раз. Только тогда шофер повернулся к нему.

– Девочка совсем... чего ж это она? ...

Новый сценарий полковника Приходько

1

Приказом по Управлению за успешное расследование дела Аллаховой и всей ее воровской «фирмы» мне, Евгении Сергеевне Грошевой, присвоили следующее звание старшего лейтенанта, и я уже рассчитывала надеть свою форму, пока хранившуюся в Управлении, и примерить новенькие погоны. Но у моего начальника – полковника Приходько, появились опять свои соображения.

– Успеете еще обрядиться в мундир, – сказал он. – Подумаешь, чин – один просвет три звездочки. Вот дослужитесь до двух просветов, станете «ваше высокоблагородие», тогда и наденете.

Пришлось вернуться на работу, на главный склад Торга, которым теперь, после Аллаховой, заведовала моя старая знакомая, Рита Петровна. Она провела меня товароведом по отделочным материалам, на полставки, так как я все еще числилась студенткой-заочницей Торгового института и липовая моя анкета по-прежнему лежала среди честных анкет прочих заочников, из списков меня не вычеркивали. Работа на складе много времени не занимала, и когда я отлучалась по делам «ведомства полковника Приходько», то мои «отделочные материалы»: разные там облицовочные плитки и сухие штукатурки – спокойно ожидали меня на складе. Рита Петровна – старый торговый работник – женщина была сообразительная и лишних вопросов мне не задавала, даже если они у нее и появлялись...

В ноябре советская милиция, как обычно, отмечала свой юбилейный день.

В просторный зал Театра музыкальной комедии собрались работники Управления и отделов милиции. Моего соседа по квартире – пенсионера Петра Ивановича – как бывшего журналиста, когда-то много занимавшегося милицейскими делами, пригласил сам полковник Приходько.

Меня, конечно, нет.

– Не хочу пока, чтобы вас среди работников милиции видели, – заявил он. – Вас Максим Крылов по гостевому проведет.

Журналиста Крылова полковник Приходько знал еще по делу Аллаховой. Завотделом районной газеты Максим Крылов был давним знакомым Петра Ивановича, даже его учеником. Раза два в неделю он приезжал к нам из Ордынки на своем «Запорожце» и до глубокой ночи сражался с Петром Ивановичем в шахматы. По тому же делу Аллаховой я была обязана Максиму, можно сказать, жизнью, но отношения у нас так и остались просто дружеские, ни он, ни я не торопились их перевести в какие-либо другие, – у каждого из нас осталась недобрая память о своем семейном прошлом. Петр Иванович, хитро поглядывая на нас, советовал еще раз прочитать рассказ Джека Лондона «Когда боги смеются».

Но пока боги не смеялись, слава богам – им было не до нас...

Мы с Максимом последними пробрались в зал, когда торжественная часть уже началась, и примостились на самом заднем ряду. Петр Иванович сидел вместе с полковником Приходько в президиуме, среди начальников отделов и гостей, приглашенных на торжество. После всех официальных поздравлений Петра Ивановича тоже попросили сказать несколько слов.

Все выступавшие, как обычно, зачитывали с трибуны свои приветствия, вписанные в аккуратные красные папки.

Петр Иванович выступал экспромтом.

– Вы – пограничники! – обратился он в зрительный зал. – Вы стоите на рубеже, на границах взаимоотношений гражданина и общества, человека и закона. Все издержки нашего

школьного, семейного и общественного воспитания, все конфликты, которые в быту не решаются мирным порядком, сваливаются на вас. За вами уже никого нет, поэтому именно вам и приходится расхлебывать наши личные и общественные грехи.

Петр Иванович замолчал, потер подбородок, собираясь с мыслями.

Я заметила, как полковник Приходько посмотрел на него со своего места искоса и как бы с неким любопытством.

Максим шепнул мне на ухо:

– Беспокоится полковник, как бы Петр Иваныч чего бы такое, к празднику не подходящее, не произнес.

Конечно, Петр Иваныч и сегодня нарушил строгую программу заседания. Он задумчиво посмотрел в угол зала, где стоял стенд с фотографиями награжденных за добрую службу в милиции.

– Как известно, Бог создал человека без запасных частей, – сказал он без улыбки. – И жизнь у него одна. У работника милиции она одна тоже. И когда он, защищая, кого ему доверено защищать, бросает эту единственную жизнь навстречу пуле бандита или под колеса пьяной автомашины – он совершает подвиг, достойный памятника.

Мы с Максимом похлопали вместе со всеми. На этом торжественная часть закончилась, мы выбрались из зала и направились домой.

Я прошла на кухню готовить свои «фирменные» гренки к кофе. Максим заявил, что ему скучно сидеть в комнате одному, поэтому пристроился на кухне в уголке, за холодильником, – единственное место, где он мог сидеть так, чтобы я не запиналась за его ноги.

– Леший бы их побрал, архитекторов-строителей, – ворчала я, лавируя, как конькобежец, между электроплитой, холодильником и кухонным столом. – Надо же, спроектировали, построили целый микрорайон, тысячи квартир, и все вот с такими кухоньками. Сколько семей они лишили удовольствия по-человечески принять товарища, знакомого, забежавшего на огонек! Что, им было невдомек, что по современному скоростному образу жизни кухня – это и столовая, и гостиная, и, бывает, нет ни времени, ни желания каждый раз накрывать в комнате и таскать посуду из кухни?

Максим соглашался, конечно, и подбирал ноги под табурет.

Мы не ожидали скоро Петра Иваныча, но он появился, как только я сняла сковороду с плиты.

– Что это? – удивилась я. – А банкет?

– Какой там мне банкет... – прокряхтел Петр Иванович. – А что, разве помешал?

– Нет, не особенно!

– Полковник на своей машине велел подбросить. Сказал, Евгения Сергеевна, поди, там скучает в одиночестве. Скучает?! Я уж промолчал.

– И вам это удалось?

Петр Иваныч осторожно вытащил из внутреннего кармана пиджака пластмассовый фунтик, развернул и подул на лепестки великолепной белой хризантемы.

– Сам полковник из вазы на столе вытащил и просил передать.

Полковник Приходько позвонил мне утром на следующий же день...

2

И вот я опять вошла в знакомый мне «дом под часами» на Красном проспекте, поднялась на третий этаж. И дверь мне открыл все тот же Борис Борисович, капитан Васильев, – правая рука полковника Приходько.

Встреча была назначена на девятнадцать ноль-ноль. Я пришла на полчаса раньше, зная, что Борис Борисович уже на месте. Обычно он был в курсе всех замыслов своего начальника и мог заранее кое-что рассказать. Встретил он меня, как всегда, приветливо, помог снять пальто, подвинул стул к радиатору отопления, помня, что при похолодании у меня частенько побаливает спина от радикулита, который я получила после своих подвигов на Обском море.

Он предложил мне чаю. Я решила дождаться полковника. Борис Борисович понимающе согласился – негоже подчиненным «гонять чай» в ожидании своего начальства.

– Зачем вы полковнику понадобились, точно не знаю. Сегодня поутру у генерала коротенькое совещание было. Я там не был. А после совещания полковника целый день не видел. У нас тут одно «темное и мокрое» дело появилось, хотя оно и не точно по нашему ведомству, но, думаю, рассказать о нем стоит.

Так я впервые услышала про Зою Конюхову.

– Поначалу все выглядело достаточно банально – подобралась стайка молодых людей, любителей веселой жизни. Мальчики – девочки, кафе – рестораны, танцы – словом, то самое... И попала в эту компанию молоденькая, совсем еще зеленая девочка. Не разглядела, что парни только снаружи интересные, а по сути пошлые и похабные. Однажды они напоили ее, грязно надругались и выбросили на улицу, как сломанную игрушку. Обыкновенная история, нередкая, к сожалению. Бывали у нас здесь такие девочки, и не раз. Некоторые рассказывали, некоторые молчали от стыда. С травмой на душе, но оставались жить. А вот она не захотела. Да и выпила в тот вечер много, как определили медики. Все и сказалось – алкогольная депрессия, психотравма – и девушки не стало...

Борис Борисович сидел возле стола и, легонько постукивая пальцем по клеенке, рассказывал мне эту историю, рассказывал неторопливо, обстоятельно, замолкая иногда на несколько секунд, как бы диктовал стенографистке протокол-заключение и подыскивал точные слова. Он ни разу не сбился с мысли, не забежал вперед, и каждая его фраза была логичным продолжением предыдущей, и слушать его было – одно удовольствие, если при этом еще забыть, что он рассказывал не содержание, скажем, прочитанного детектива, а реальную, совсем недавно случившуюся историю, грязную уголовную историю с трагическим концом... Документов при девушке не нашли, и следователь Никонов – который и приезжал на место происшествия, – получив заключение медицинской экспертизы, из которой следовало, что поступок девушки – не просто самоубийство, а такой вот опрометчивый ответ на совершенное над ней преступное насилие, тут же вызвал служебную собаку, снял туфлю с ноги девушки и вернулся на шоссе. Но собака от телефонной кабинки пошла не к девятиэтажке, как ожидали, а вернулась на обочину дороги, прошла десяток метров, спустилась на асфальт... и на этом ее поиск закончился. Судя по всему, девушку сюда доставили на машине, обнаружить какие-либо следы покрывшек не удалось.

Следователь Никонов попросил шофера милицейской машины въехать на обочину и осветить фарами место, где стояла телефонная кабинка. И вот тут ему повезло – на мерзлой земле он разглядел уже затоптанный кусочек картона с надписью «Зуб. – 14». Не нужно быть Шерлоком Холмсом, чтобы догадаться, что это очередь к зубному врачу в одну из поликлиник города. И девушка могла выдернуть его из кармана вместе с носовым платком. По закону парных случаев следователю Никонову повезло второй раз – в первой же поликлинике, куда он

обратился, признали картонный квадратик и методом исключения нашли фамилию больной, не явившейся к стоматологу.

Дальше все пошло быстрее.

В тот же день следователь Никонов побывал и в училище, и в общежитии.

Зоя Конюхова поступила в полиграфучилище, окончив восемь классов Тогучинской средней школы. Подруги по общежитию рассказали: по словам Зои, своего отца она не видела никогда, а ее мать, выйдя замуж еще пару раз, устроила дочь в училище, решив, что тем самым выполнила все свои родительские обязанности, и тут же уехала на БАМ, зарабатывать деньги. Подруги рассказали также, что последние два месяца Зоя частенько, особенно по субботам, возвращалась в общежитие поздно, и от нее пахло вином. Комендант общежития, не вникая в причины «аморального» поведения, устроила Конюховой разнос, пригрозив выпиской. Зоя Конюхова, обливаясь злыми слезами, заявила, что имеет право на личную жизнь и так далее. Поэтому, когда в прошлую субботу она не вернулась к ночи, подруги решили, что она уехала в Тогучин, пожаловаться на свою судьбу.

Что-либо наводящее на след ее городских знакомых подруги сообщить не могли. Однако добавили, что еще до того, как началось ее «аморальное» поведение, Конюхова, кажется, встречалась с Мишей Севиным из старшей группы линотипистов.

Характеристика, выданная завучем школы в адрес Миши Севина, была довольно прохладной. Правда, записей о каких-либо нарушениях дисциплины в личном деле не было, но и доброго о Севине завуч припомнить ничего не мог.

Поначалу и следователю Никонову Миша Севин не понравился. И разговорился с ним следователь не сразу. Юноша оказался с гонором и заявил, что да, он дружил с Зоей Конюховой, но два месяца тому назад они расстались, больше он с ней не встречается, что это его личное дело и он не собирается об этом что-либо рассказывать. Но узнав, что случилось, смеялся, поблел даже. Следователь было подумал, что он имеет какое-то отношение к этому грязному делу. Когда первое замешательство прошло, Севин рассказал следующее: в их районе есть кафе «Капельки», где по пятницам и субботам выступает джаз и устраиваются танцы. Два месяца тому назад он зашел с ребятами в кафе и увидел Зою за столиком в компании неизвестных ему молодых людей. От объяснений она отказалась, тогда он перестал с ней встречаться, но как-то случайно опять встретил ее возле кафе, в той же компании, и, похоже, – пьяную. Словесные портреты ее спутников нарисовал приблизительно, потом задумался и нерешительно добавил, что, пожалуй, может опознать их при встрече.

Причину своих колебаний он не объяснил, но его предложение было единственной ниточкой, за которую и ухватился следователь Никонов. И по его поручению в очередную пятницу оперуполномоченный лейтенант Сазонов (в гражданской одежде) и Миша Севин отправились в кафе «Капельки».

Кафе было переполнено, но официантка нашла им два места за столиком в уголке.

Танец следовал за танцем, разглядеть кого-либо за плотной толпой не было возможности. Севин решил обойти зал по кругу, поближе приглядеться к присутствующим. Лейтенант Сазонов предупредил его, чтобы он ни в коем случае в какие-либо разговоры не вступал, даже если и кого заметит.

Миша Севин ушел. Через какое-то время он вернулся и заявил, что никого из интересующих их людей не заметил. И сам предложил прийти в следующий вечер. У лейтенанта Сазонова на субботу было запланировано другое мероприятие, но ему понравилось усердие свидетеля, он отложил свои дела и в субботу тоже прибыл в кафе.

Как и в прошлый раз, Севин пошел по кругу, и Сазонов потерял его из виду в плотной толпе танцующих. Он прождал его шесть минут – проверил по часам, – забеспокоился и отправился следом. Обошел зал, затем спустился вниз в вестибюль, где кроме гардероба нахо-

дились и прочие подсобные помещения. Не увидев никого в вестибюле, лейтенант Сазонов, естественно, заглянул в мужской туалет.

Миша Севин лежал на полу, а возле него растерянно топтались два паренька, один из них с испугом смотрел на свои окровавленные ладони. По их словам, зайдя в туалет, они увидели молодого человека, запрокинувшегося в одной из кабинок, подумали – пьяный, подняли и заметили на груди кровь.

На какие-либо поиски уже не оставалось времени, и лейтенант Сазонов постарался сделать все, что мог. Он поставил швейцара к дверям туалета, сам позвонил в «скорую» и в милицию.

А тут как раз закончились танцы, вестибюль заполнила шумная толпа, и вести какой-либо розыск уже не представлялось возможным.

«Скорая» приехала, как и Положено «скорой», – через какие-то семь минут, но все равно поздно. Все эти семь минут Миша Севин был мертв. «Проникающее ранение грудной клетки, вероятно, задето сердце, болевой шок... умер, не приходя в сознание».

Проверять всех посетителей, покидающих кафе, смысла уже не было. Правда, работники милиции внимательно приглядывались к уходящим, обратили внимание на одного паренька, который уж очень старательно вытирал платком ладони, но оказалось, что он просто стирал с рук следы апельсинового сока.

– Я не собираюсь ни обвинять, ни оправдывать лейтенанта Сазонова, – продолжал Борис Борисович, – хотя можно было поставить ему в вину, что он отпустил Севина одного, но кто из нас, профессионалов, мог бы бросить в него камень – случилось непредвиденное. Так или иначе, свидетель погиб, собираясь нам помочь, и тот, кто обязан был быть с ним рядом, не успел его защитить.

Борис Борисович помолчал, смахнул со стола видимые ему одному пылинки.

– Трудно, конечно, заключить, как все произошло. Несомненно, Севин нашел тех, кого искал. Чем-то он себя разоблачил, а те догадались, чем грозит им эта встреча, и его как единственного свидетеля решили убрать. И убрали решительно и умело. Орудие убийства нашли на другой день, специально разобрали сливную трубу туалета и в изгибе ее нашли нож, обыкновенный складной нож, типа монтерских ножей, которые продаются в каждом хозяйственном магазине города. Конечно, все отпечатки были смыты с ножа начисто. Ни швейцар, ни гардеробщик ничего подозрительного не заметили. Когда в вестибюль спустился лейтенант Сазонов, там никого посторонних не было, швейцар выяснял отношения с группой ребят, желающих попасть в кафе, а гардеробщик присел за своим барьерчиком, решил перекусить и тоже ничего не видел и не слышал. Правда, он сказал, что минут за десять до поднявшейся суматохи ему предъявил номерок молодой человек, сказав, что забыл в кармане куртки сигареты. Гардеробщик подал ему куртку, и молодой человек тут же вернул ее обратно. Что, можно подумать?

– Можно подумать, – согласилась я. – Танцевать, пусть даже со складным ножом в кармане, неудобно, да и незачем. Поэтому нож могли взять из куртки, когда он понадобился.

– К сожалению, личность молодого человека гардеробщик не запомнил, а куртка была как куртка, темная, поролоновая. Вот только вешалка на его куртке была привинчена маленькими болтиками, для крепости, – эту особенность одежды гардеробщик, профессионально, что ли, заметил. Ребят, которые подняли Севина, расспрашивали уже в милиции и порознь, и вместе, и в правдивости их показаний сомнений не возникало. Студенты, неделю тому назад вернулись с практики из села. В вестибюле они тоже никого не видели, но одну существенную деталь все же сообщили. Когда они спускались вниз, на лестнице их остановила девушка. Или она спускалась тоже, или поднималась – этого они не могли решить, но она остановила их и попросила закурить. Показалась им чуточку пьяной, долго и неловко разминала сигарету, порвала ее, извинилась, попросила вторую, долго прикуривала. И вот, после того что они увидели в туалете и услышали в милиции, у них появилось подозрение, что она просто старалась их. На лестнице

задержать. А если так, то она знала, что происходит в туалетной комнате, дала возможность кому-то свести счеты с Севиным, а потом спрятаться в углу за шторой и, когда Сазонов вошел в туалет, подняться наверх. К сожалению, про девушку они вспомнили уже после расспросов в милиции, просто до этого не могли связать эту встречу с тем, что произошло. Одетая девушка, по их словам, была не то в голубое, не то в зеленое платье – здесь у них единого мнения не было, но лицо ее они запомнили хорошо. Когда работники милиции вместе с ними вернулись в кафе, то было уже поздно. Среди немногих одевающихся посетителей девушки не нашли... Этим пока все и закончилось... Вот такая неприятная история. Конечно, и парня жалко, это само собой, да и на нашей репутации пятно – не сумели свидетеля уберечь. – Борис Борисович глянул на часы. – Что-то задерживается наше начальство, это на него не похоже... Ага, вот и он звонит.

И Борис Борисович пошел открывать дверь.

3

Полковник Приходько хмуро кивнул мне, устроился за столом. Извинился за опоздание.

– Машина подвела. Выехали из Ордынки и встали прямо на шоссе. Я своему шоферу выговор закатил – у милиции машина на полпути останавливаться никак не должна, понятно, кажется. Спасибо автоинспекторам – подвезли... А вам от Максима Крылова привет. Точно не помню, но думаю, что передавал.

– Спасибо! – только и оставалось ответить мне.

Спросить, зачем мое начальство каталось за сто километров в Ордынку и встречалось там с Максимом, не позволяла субординация, и, хотя полковник держался со мной просто, я старалась ее соблюдать. Но я подумала, что мне и так это расскажут. И даже подумала, что это может иметь какое-то отношение ко мне.

Как обычно, Борис Борисович принес нам по стакану крепкого, со вкусом заваренного, чая. Полковник выпил один стакан, отказался от второго, что, как я уже знала, было признаком его плохого настроения.

– Про девушку, конечно, рассказал? – спросил он Бориса Борисовича.

– Рассказал.

– И про мальчика?

– И про мальчика рассказал. А что, не нужно было?

– Почему не нужно – мне меньше говорить придется. До сих пор не пойму, как это ты догадываешься, что тебе нужно рассказать, а что нет?

Полковник отодвинул стакан, положил локти на стол.

– Вот так! – насупился он. – Прохлопали мальчика, детективы!

Он произнес это таким тоном, что даже я, не имеющая к этой истории никакого отношения, почувствовала какую-то долю вины. Корпоративное мышление, сказал бы Максим.

– Всего не учтешь, согласен, – продолжал полковник, – и рисковать нам зачастую приходится. Так это нам, наш риск – он по уставу положен. А если случилось, что мы человека, который нам помочь хотел, от ножа уберечь не могли – тут уж никакие оправдания в зачет не идут. Никонову попало, конечно, а Сазонова вообще от дела отстранили. И правильно. Даже не потому, что с него главный спрос, а потому, что он уже себя в кафе засветил, и пользы от него не будет.

Я слушала полковника и жалела лейтенанта Сазонова. Понимала, что у него сейчас на душе, хотя, честно говоря, не могла бы его в чем-то обвинить. Случилось непредвиденное, как сказал Борис Борисович.

– И не осталось ни одной зацепочки, – продолжал полковник. – Так, один мираж зелено-голубой. Официанток расспросить, может, и упомянут, кто где сидел. Только, по-моему, пустое это дело. Официантки – народ болтливый, разговоры пойдут, конечно, и мы виновников вообще от кафе отпугнем, а тогда нам их нипочем не найти. Можно, правда, насильников и поискать – Никонов говорит, что девушку, похоже, на машине привезли. Так ведь еще не зима, все машины на ходу, это мы сколько там шариться будем, все впотьмах. И подумал я к этому делу с другого боку подойти.

Полковник Приходько как-то вопросительно посмотрел на меня. И вот тут-то я начала соображать, зачем, он меня пригласил. Я постаралась спокойно и согласно встретить его взгляд, и чуть заметная тень одобрения появилась в его обычно холодных серых глазах.

– Да, Евгения Сергеевна, вижу – догадываетесь. В надежде на вас я и попросил передать это мутное дело в наш отдел. Должны мы с вами разыскать преступников. Любой ценой должны отыскать. Найдем и об этом в газетах напишем, чтобы люди нашу уверенность почувствовали,

что никому мы не позволим безнаказанно покушаться ни на чью-то жизнь, ни на девичью честь. Доверил нам народ такие обязанности, и должны мы их выполнять.

Я не сразу нашлась, что сказать, а мне не хотелось, чтобы полковник расценил мое молчание, как некую неуверенность или еще что.

– Буду стараться, – просто ответила я.

– Я это знаю, – кивнул полковник. – Другого ответа и не ждал, но всё равно приятно услышать.

Он опять облокотился на стол, взгляд его потеплел, он даже усмехнулся чуть, видимо, каким-то своим мыслям.

– Тут еще такое дело... Мой начальник сегодня мне лекцию прочитал. Ладно, не при всех, а после заседания. А начал он так: «Это, конечно, хорошо, что полковник Приходько промашку ребят из уголовного розыска принял как свою собственную беду и помощь пообещал, и догадываюсь, на кого он рассчитывает. Так не думает ли полковник Приходько, что уж очень он удобно устроился, законспирировал у себя в отделе молодую женщину, на гулянки с хапугами ее посылает, в Обском море чуть не утопил. Правда, дело Аллаховой закончил «на пятерку» и победителей вроде бы не судят, но не слишком ли свободно работает начальник отдела, прямо не отдел, а «сыскное бюро полковника Приходько». Вот так он мне выговаривал, а я молчал. Да и что мог сказать? Прав он, если по правде-то. Спаивал вас у Аллаховой и в Обском море чуть не утопил – было такое. Старый стал, видимо, сам путного ничего посоветовать не мог и не ожидал, что вы такую разведку боем устроите. Не учел. Угнаться за вами, молодежью, уже не могу. Как, Борис Борисович, может, мне уже пора на бережок – рыбку ловить?

– Так вы рыбку-то, по-моему, сроду не ловили, – заметил Борис Борисович.

– Не ловил, верно. Всю жизнь, как помню, только разную шпану да жуликов ловлю. Значит, поздно мне на рыбную ловлю переучиваться. Я тут сам себе однажды ревизию устроил, подумал: узнай я заранее, что, вы надумали на Обское море ехать, отговорил бы вас от лишнего риска, и, кто знает, добрались бы мы до фальшивых накладных Аллаховой? Конечно, не в оправдание себе, просто факты привожу. Но, если бы вы тогда с моря живой не вернулись, я бы из милиции ушел. За ненадобностью, как несоответствующий. Все время я за вас в ответе, Евгения Сергеевна, и не забывал этого ни на минуту. Но и вы не забывайте, прошу вас...

– Я не забываю. Спасибо вам, товарищ полковник. ...

Что еще я могла сказать в ответ на эти по-отцовски теплые слова?

– И все еще вас в секрете держу. Погоны ваши только издали показал. Хотя и собирался было вам форму вернуть, раздумал пока. И начальство со мной согласилось. Понятно, что последняя ниточка по делу Конюховой и Севина в кафе уходит, другой нет. А в кафе оперуполномоченного в форме не пошлешь. Но сказали мне: «Смотри, полковник, все время по краю ходишь, и везет тебе пока что, везет!» Что ж, ответил я, правильно, везет! И оба по столу постучали, шутя, конечно, но постучали, вот как сейчас.

И полковник Приходько даже без улыбки постучал костяшками пальцев по столу.

– Столешница-то пластмассовая, – ухмыльнулся Борис Борисович.

– Да ну? Тогда я по стулу постучу, стул-то, поди, у тебя все же деревянный... Видите, Евгения Сергеевна, расхвастался я перед начальством и отступать после таких заверений некуда. Ловить будем паразита этого. И поймаем, обязательно поймаем. Налей-ка мне, Борис Борисович, еще стаканчик. Я вот на Евгению Сергеевну посмотрел, и настроение у меня, прямо говорю, улучшилось.

Борис Борисович принес полковнику чаю. Я отказалась. Говорить мне было нечего, спрашивать пока тоже не о чем, и я сидела, что называется, «сложая ручки». Но вот полковник Приходько отодвинул пустой стакан, повозился на стуле за столом, устраиваясь поудобнее, – это означало, что инструкция будет длинная, и я приготовилась слушать. Я никогда и ничего

не записывала, память у меня была хорошая, полковник это знал, и похоже, ему нравилось, что у меня с собой даже записной книжки нет. Да и записывать пока тоже было бы нечего, план поиска был несложен поначалу, продолжение его зависело от обстоятельств, которые ни полковник, ни я предугадать бы не смогли.

– По убийству Севина шуму в кафе поднимать не будем. Чтобы эту компанию не спугнуть. Судя по всему, бывают они в кафе часто. Даже если главный виновник и притаился, то остальные, думаю, придут, по старой памяти. Бояться им вроде нечего, подозрений на них нет. Да и мы еще наведем «тень на плетень». В «Вечерке» напечатаем статью, вообще о работе молодежных кафе, что пока там слаб общественный надзор, имеются случаи злостного хулиганства, виновники задержаны, ведется следствие. На «Капельки» ссылаться не станем, и все это будет сущей правдой – есть у нас задержанные из других кафе. Вот за такой статьей я и ездил к Крылову, – работник он опытный, ему много объяснять не нужно. Он тут же при мне и статью написал. А я ее тут же в редакцию «Вечерки» отвез.

– Статью мог и здесь Петр Иванович написать, – заметила я.

– Мог, конечно. Но я подумал, что кафе – тема молодежная и Крылов как журналист более подойдет. Притом у меня была к нему просьба, так сказать, частного порядка.

Мне пора было догадаться, что полковник ездил к Максиму не только за статьей.

– Скажите, Евгения Сергеевна, – спросил он, – вы танцевать любите?

– Не очень.

– Да ну? – как бы весьма удивился полковник. – Так совсем и не танцуете?

– Не совсем, конечно. Кто теперь не танцует, тем более что сейчас на это особого умения не требуется. Было бы настроение...

– Вот, вот – настроение. А пока вы у меня работаете, вам было не до танцев?

– Почему же, танцевала, и не раз. По долгу службы даже. На вечере у Аллаховой, с Башковым на его квартире. Но я догадываюсь, вы хотите, чтобы я еще потанцевала.

– Правильно догадываетесь, хочу. Очень хочу. Я даже вам и кавалера подыскал.

Теперь все причины поездки полковника в Ордынку стали понятны. Появляться в кафе одной не с руки, прикреплять ко мне кого-либо в спутники из состава милиции полковник тоже не хотел. А Крылов – журналист, и его появление в кафе никаких подозрений ни у кого не вызовет. И конечно, полковник понимал, что в паре с Максимом я буду чувствовать себя свободнее, нежели с незнакомым мне человеком. Я кивнула согласно:

– Надеюсь, что мы с вашим кавалером станцуемся.

– Я тоже так думаю, – подытожил полковник, причем опять серьезно, без улыбки, как бы давая понять, что шуткам тут уже нет места, идет обсуждение моментов работы, работы серьезной и нелегкой для меня. – Искать зелено-голубую девушку я поручил людям, даже не нашего городского отделения, вместе с ребятами, которые эту девушку видели. Искать будут осторожно, не дыша, на цыпочках. Как найдут, покажут вам издали и сами со сцены долой, – тут полковник глянул на меня и вздохнул чуть. – На этом мой сценарий и заканчивается. Дальше начинается ваша импровизация с Максимом Крыловым. Ваша партия. Как это в балете называется, когда танцуют вдвоем?

– Па-де-де, кажется.

– Вот это самое – па-де-де... Попытаться за эту зелено-голубую зацепиться, а через нее и на остальную компанию выйти. Коли они в это кафе наладились, то – если не спугнуть – еще придут. Молодежь – она осторожничать не умеет. Конечно, пока вы в кафе танцевать будете, мы здесь тоже сложа руки сидеть не станем. Ножичек тот в лаборатории исследуют – может, что-нибудь на нем от хозяина осталось, что не успела смыть вода. Мои Шерлоки Холмсы будут потихоньку район просеивать – машину искать. Если верить собачке, то Конюхову к этой остановке на машине привезли. И почему именно к этой остановке, а не к какой другой? Над этим уже здесь мы будем голову ломать. А вам, главное, за зелено-голубую зацепиться.

– А может, она к нашей истории ни с какого боку? Простая случайность.

– И такое может оказаться. Что делать – версию эту нужно доработать, другой нет. И здесь Максим Крылов – вам не везде помощник, придется действовать одной, я думаю. Соло, так сказать.

Полковник Приходько опять взглянул на меня и опять нахмурился. Догадаться, о чем он подумал, мне уже было нетрудно.

– Да, Евгения Сергеевна, да! Пожалейте вы меня, старого, чтобы мне по ночам спокойно спалось. Не испытывайте судьбу, без крайней-то необходимости. Рискованный вы все же человек. А ведь эти молодцы – это вам не наши жулики-хапуги, это молодые люди, и уж коли они за нож взялись... их на сентиментальной лирике не купишь... Единственно, чем мы поначалу сможем вам помочь: там на задах кафе переулочек есть, и в нем по субботам будет стоять машина, «москвичок» зелененький, номер у него 32–71. Шофер в нем наш, естественно, и по радио связь с нами через телефон у дежурного. Это на всякий пожарный случай. Не забудете номер?

– Не забуду, – пообещала я.

Итак... Опять мне предстояло входить в чужой образ, выдавать себя за женщину, которой я не хотела бы в настоящей жизни быть.

Мне на самом деле было нелегко.

Когда-то я успешно играла на студенческой сцене, и там, если мне удавалась роль, были довольны и зрители, и я сама. Но то было искусство, а оно всегда несет радость. Сейчас от того, как я сыграю свою роль, у кого-то надолго сломается жизнь.

Все верно – совершивший зло должен быть наказан. Это закон – мера социальной защиты. Нарушитель с этим не согласен, он прячется. Почти всегда. Прежде чем наказать, его нужно найти. Его можно искать явочным порядком. Современный Шерлок Холмс находит нарушителя, применяя изощренные методы современной дедукции, и мы неизменно уважаем такого Шерлока Холмса. Иногда его уважает даже сам преступник.

В моем случае не так. Мне придется отыскать нарушителя, прячась и подглядывая. И частым приемом моего поиска будет обыкновенная ложь. Ложь – это всегда нехорошо, чего уж хорошего... Но Закон не допускает исключений, и нарушитель должен быть найден.

Любой ценой?..

На этот вопрос нет однозначного ответа. И в моем случае цену поиска определяю только я.

Это была элементарная схема моих рассуждений, которая объясняла, почему мне было нелегко. Преступнику повезло, ему удалось замести все следы, и обязательства, взятые полковником, вынуждали его применить, возможно, единственно надежный способ расследования...

Уже дома, готовясь к посещению кафе, я серьезно задумалась: а в чем я туда пойду. Я должна привлечь чье-то внимание, значит, должна выглядеть соответственно своей роли: молодая незамужняя женщина, не очень строгого поведения, само собой... торговый работник – значит, какие-то возможности одеться. Я могу пойти в кафе и в платье, и в брюках. Но брюки – это желательно джинсы «Ренглер». Я знала, конечно, что в последнее время в моду вошли комбинезоны и брюки «бананы». Ни «Ренглера», ни «бананов» в моем гардеробе не было.

Я решила поначалу обойтись тем, что есть. Но все-таки недооценила предусмотрительности начальника. Полковник Приходько, как обычно, продумал все мелочи и учел все возможности, которые были в поле его предвидения.

Я еще размышляла у открытой дверки шкафа, когда нам в дверь позвонили.

Посыльный – молодой человек в пуховой куртке и отечественных джинсах – принес большую картонную коробку. На мой вопрос: не ошибся ли он адресом, так как мы ничего не заказывали, он сказал, что принес точно, куда нужно. Я спросила – откуда у него такая уверенность,

он взглянул на меня еще раз и сказал, что все верно, добавив «до свидания!», ушел, оставив меня стоять с коробкой в руках.

– Любопытное кино! – изрек возникший за моей спиной Петр Иванович. – Раньше в таких коробках кавалеры присылали бальные платья дамам своего сердца.

– Вы начитались Бальзака, – заявила я. – Но в данном случае, кажется, недалеко от истины. Если исключить даму сердца, пожалуй.

– А кавалер?

– Да и кавалер, догадываюсь, не тот. Не бальзаковский.

Я развязала ленточку на коробке. На самом деле – там было платье. Вернее, не платье, а тот самый комбинезон. Материал, из которого он был сшит, выглядел скромным на вид. Но я ведь была еще и товароведом и могла распознать качество изделия. На месте была и «фирма» – черная полоска с золотыми буквами на нагрудном кармане, конечно, это был тот самый комбинезон «Ренглер» и о таком комбинезоне женщина моего возраста и другого настроения могла только мечтать.

– Там еще что-то лежит, – заметил Петр Иванович. Я достала из коробки и развернула бумагу – это оказалась изящная сумочка под цвет комбинезона. Мало того – в сумочке лежала пачка сигарет «Мальборо» и зажигалка фирмы «Ронсон».

Полковник Приходько, как мог, использовал свои возможности.

Петру Ивановичу догадаться о «кавалере» было уже нетрудно, как и сделать вывод, что мне опять предстоит работа «на вражеской территории». Настроения это ему не прибавило, но он соблюдал правила игры и ни о чем меня не спросил.

– Ваша новая спецодежда, – только заметил он.

– Вы намекаете на рабочий покррой? – попробовала отшутиться я.

– Наменяю. Для строителя-штукатура одежда вполне подходящая.

– А в сумочке удобно носить мастерок, – поддержала я.

Полковник Приходько профессионально точно определил мой размер – комбинезон пришелся как нельзя по фигуре. Мне хотелось, естественно, поглядеть, как я в нем выгляжу – мое комнатное зеркало позволяло это сделать только по частям. Большое зеркало имелось в комнате Петра Ивановича – осталось от его жены, он собирался выставить его в переднюю, для меня, но в передней не находилось места. Я направилась к Петру Ивановичу. Чтобы меня не стеснять, он вышел на кухню. Я было хотела сказать, что он мне не мешает, но сообразила, что таких слов в данной ситуации говорить мужчине – какого бы возраста он ни был – мне не следовало.

Наглядевшись, я направилась на кухню, показаться Петру Ивановичу.

Он кивнул одобительно.

– Нормально. Как говорят наши высокоученные дети, которым школьный курс русской литературы, к сожалению, не помог обогатить словарный запас.

– Но вы как-никак дополнительно упражнялись в русском языке, – напрашивалась я.

– Упражнялся, – сказал Петр Иванович, – что ж, «моей Людмиле любая шапка хороша...» – уклонился он. – Но, как я понимаю, такое одеяние требует и соответствующей обуви – что-то лаковое и, желательно, на высоком каблуке. Я ни разу не видел вас на высоком каблуке. Видимо, это идет от привычки твердо стоять на земле, а высокий каблук создает ощущение зыбкости, неустойчивости. Кстати – не примите как комплимент, – классические формы тоже обходят высокий каблук. Могли бы вы, скажем, представить Венеру Милосскую в туфлях на высоком каблуке?

– Не могу, – согласилась я. – Но и, вообще, во что-либо одетой ее не представляю.

– Что ж, вы правы – любая тряпка на ней будет выглядеть пошлостью. Но вернемся к нашим... каблукам. А туристские ботинки на «вибраме» в моду еще не вошли?

– Ну что вы?

– Ничего невероятного. Например, я никогда бы не подумал, что покрой комбинезона станет когда-либо бальным платьем. Тем более что туристские ботинки у вас есть, и почти новые.

– Пожалуй, танцевать в них будет неудобно.

– Ах, вы собираетесь еще и танцевать?

– А что же мне еще остается делать в комбинезоне престижной фирмы «Ренглер»? Хотя... я бы с большим удовольствием отправилась в нем затирать потолки на соседней девятиэтажке.

Поплакаться в жилетку Петру Ивановичу не удалось, в дверь позвонил Максим – я уже знала манеру его звонка.

На Максиме был новый костюм и полосатый яркий галстук, который своей нагловатой вычурностью как нельзя более подходил к моему модному комбинезону.

В руках Максим держал коробку.

– Так-так! – подытожил Петр Иванович. – Максим при галстуке и тоже с коробкой. А мы как раз только что говорили о твоей коробке.

– О коробке?

– Ну, не о ней, а о том, что внутри. Ты не ошибся номером?

– Кажется, нет, – сразу встревожился Максим. – Тридцать восьмой.

– Не ошиблись, не ошиблись, – сказала я, забирая у него коробку. – Вы никогда не ошибаетесь, Максим. Тем более что сейчас у вас такой эрудированный консультант.

Я уже не стала ни удивляться, ни переспрашивать. Я просто вынула из коробки туфли, надела их и прошлась по передней, прищелкивая высокими каблукками.

Кафе «Капельки»

1

Нам не было особой необходимости появляться в «Капельках» слишком рано. Вечерняя программа начиналась в семь часов. Не доезжая до кафе две остановки, мы выбрались из троллейбуса и пошли пешком.

Вечер был ясный и тихий. Подмораживало. На улице уже горели светильники. Я шла рядом с Максимом, положив руку на его локоть. Мои новые каблочки задорно постукивали по мерзлому асфальту, однако самочувствие у меня было несколько меланхоличное, не было того настроения, который появляется, когда идешь на интересное «дело».

И все же молодого человека в мохеровом беретике я заметила, думаю, раньше, нежели Максим.

Вернее, раньше обратила на него внимание.

Он шел нам навстречу и, зажав в зубах сигарету, весьма натурально – чуточку излишне натурально – ощупывал карманы в поисках спичек.

Я придержала Максима за локоть.

Молодой человек круто повернулся к нам, и я узнала посыльного, который принес коробку от полковника Приходько. Прохожих поблизости не было, тем не менее он держался как посторонний человек, которому просто понадобились спички.

Максим не курил, но я знала, что сейчас у него есть с собой спички и сигареты, впрочем, и у меня в сумочке лежала пачка «Мальборо» и газовая зажигалка «Ронсон».

Максим неторопливо полез в карман.

– Она сидит за вторым столиком, слева от оркестра, – молодой человек говорил тихо и ожидающе поглядывал, как Максим зажигает спичку. – Брюнетка, в красной вышитой безрукавке и белой блузке – не спутаете. Вместе с ней молодой человек. – Он наклонился,дохнул на спичку, она погасла. – Извините! – сказал он и продолжал: – Вторая пара за столиком наши – практиканты из школы милиции. Когда увидят вас, рассчитаются, и вы займете их места. Официантка – Лиля Прохорова – чаевые берет, не стесняется... – он прикурил от второй спички. – Удачи вам, Евгения Сергеевна, – и, не взглянув на меня, прошел мимо.

– Так... – сказал Максим.

– Так, – подтвердила я.

– Значит, пришли. Теперь нам нужно без шума и пыли проникнуть в это заведение.

Мы подошли к кафе. За стеклом двери висела табличка: «мест нет!». Табличка была выполнена со вкусом, золотыми буквами на черном фоне, что, видимо, должно было утешать посетителя, которому отказывают в приеме. Два молодых человека в пуховых куртках и с хорошей шевелюрой, заменяющей им головные уборы, растерянно переминались у дверей. Очевидно, они уже стучали, но уйти не могли – музыка, доносившаяся из кафе, притягивала их, как магнит.

Максим вежливо потеснил молодых людей и постучал в дверное стекло. Ему пришлось стучать, пока за стеклом не возникла сурово насупленная физиономия швейцара в коричневой «фирменной» куртке. Максим достал удостоверение с крупными буквами «Пресса» на картонной обложке, приложил к стеклу и уверенно, даже не дожидаясь реакции швейцара, приглашающе протянул мне руку. Я, признаться, замешкалась – уж очень чугунная была фигура швейцара, закаленного в битвах у входных дверей, однако он, хотя и без особой готовности – как бы в сомнении, – но приоткрыл дверь ровно настолько, чтобы Максим успел пропихнуть меня и пробраться сам.

Молодые люди наивно сунулись было следом.

– Куды! – только и сказал швейцар и закрыл дверь на задвижку.

Гардеробщик принял нашу одежду, повесил на один номер, Максим сунул номерок в свой карман. Я кивнула в сторону швейцара:

– Очень похож на вышибалу, которого кинорежиссеры ставят в дверях дореволюционных кабаков.

Максим поправлял галстук перед зеркалом:

– Подходит! – согласился он. – Так ему, наверное, и сейчас, в эпоху цветных телевизоров, частенько приходится выполнять дореволюционные обязанности. Современный человек, – философствовал он, посматривая на меня в зеркало, – когда перепьет, то в манерах своих двигается тоже не в будущее, а в прошлое, иногда довольно далеко. Культура – весьма тонкий налет, водка без труда стирает его начисто.

– А ее здесь подают?

– Водку-то? Конечно, нет. Но легкое вино, думаю, есть. А водку, в конце концов, можно и с собой принести.

В танцевальный зал на второй этаж вела широкая лестница с ковровой дорожкой. Двери в туалет находились где-то под лестницей, за тяжелыми шторами.

Я тихо сказала Максиму:

– Загляните туда, где все случилось.

Он достал сигарету, спички и, прикуривая на ходу, непринужденно направился под лестницу, и я сумела убедиться, что из вестибюля вход в туалетные комнаты фактически не просматривается, что в свое время и учел убийца Миши Севина.

Мы поднялись в зал.

Налево у стены на овальной, приподнятой над полом площадке разместился оркестр: аккордеон, две электрогитары и барабан; точнее, барабанов было несколько – три или четыре малых барабанчика вокруг большого. Лихой широкоплечий «ударник» трудился вовсю, задавая основной ритм.

Середину зала заполняла плотная толпа танцующих. Смотреть на эту беспорядочно шевелящуюся толпу было любопытно, но не более того, каждый изображал, что хотел, не интересуясь, как это выглядит со стороны. Я уже несколько поотвыкла от таких массовых зрелищ, невольно вспомнила, как на одном из прошлых институтских вечеров решили использовать старорежимную польку-бабочку, – мне понравилось, но подружки заявили, что это не современный, слишком «запрограммированный» танец.

На краю эстрадной площадки стоял юноша с бакенбардами и пел в микрофон:

*Не прожить нам в мире этом
Без потерь, без потерь...*

Слова куда как подходили к случаю, который привел нас сюда.

Столики в зале располагались полукругом возле трех стен, я ничего не видела за танцующими, но Максим что-то рассмотрел, оглянулся и я пошла за ним.

Второй столик слева от оркестра, как можно было заключить по приборам, занимали четверо, но сейчас там сидели двое, два молодых человека – один в замшевой куртке, второй – в пиджаке. Они не спеша потягивали пиво, рассеянно поглядывали на танцующих. Заметив нас с Максимом, коротко переглянулись и разлили остатки пива по стаканам.

У стены, между зашторенными окнами, стоял просторный «ресторанный» буфет, официантка, – видимо, это и была Лиля Прохорова – молодая плотная женщина в модном седом парике, выставляла на буфетную полку бутылки из ящика. Максим подошел к официантке, она только развела руками, видимо, ответив, что мест нет. Максим улыбнулся просяще – как он

вообще никогда не улыбался – и довольно ловко сунул в кармашек белого передничка зеленую бумажку. Прохорова только покачала головой, оглянувшись, соображая, куда можно пристроить пару стульев. И тогда один из молодых людей подозвал официантку, быстро рассчитался, и они оба ушли, даже не взглянув на меня.

Тут и барабанщик лихо отбил заключительные аккорды, стукнул по тарелке. Плотная толпа танцующих распалась на отдельные группы, начала редеть, а места за столиками стали заполняться.

Темно-красную безрукавку я заметила еще издали и успела разглядеть девушку, прежде чем она подошла. Максим усадил меня, но сам продолжал стоять у столика, как бы не желая мешать официантке сменить приборы, а я догадалась, что он тоже заметил девушку в красной безрукавке. Кавалер ее шел следом и замешкался, и Максим предупредительно подвинул девушке стул:

– Пожалуйста!

– Благодарю, – коротко уронила она.

Голос ее был глуховатый, равнодушно-спокойный. Она не взглянула на Максима и опустилась на стул, даже не притронувшись к нему руками, как бы заранее зная, что стул окажется на месте.

Она, вероятно, одних лет со мной, четкие крупные черты лица, тонкие губы и хорошо вылепленный подбородок. Не знаю, как там с интеллектом, но характер у нее, несомненно, был. Глаза серые и холодные, чуть навывкате – как у артиста Дворжецкого, которого я хорошо запомнила по кинофильму «Бег». Она чуть скользнула взглядом по моему лицу, и я почему-то – совершенно непроизвольно – ощутила непонятный холодок тревожного предчувствия.

2

«Интуиция должна только помогать отыскивать факты, но не заменять их», – эту заповедь полковника Свиридова, который вел спецдисциплины в школе милиции, я запомнила очень хорошо, хотя бы потому, что сама частенько грешила вот такими интуитивными домыслами и получала серьезные замечания от полковника. Но если мои домыслы в дальнейшем оправдывались, он обязательно отмечал это на очередном семинаре, добавляя: «Однако следователь без интуиции и фантазии никогда не станет хорошим следователем».

Я не собиралась подкреплять своей интуицией предположение ребят, которых эта девушка когда-то задержала на лестнице. А мое тревожное предчувствие могло появиться и оттого, что я частенько в воображении проигрывала эту встречу.

Ее спутник остановился возле стола.

– У нас новые соседи, – сказал он.

– Да, если не возражаете, – ответил Максим.

– Почему же, пожалуйста. Парни до вас здесь сидели, куда как скучные.

У него были тонкие губы и внушительный нос, который этаким утесом возвышался на его плоском лице. На убийцу он в моем представлении не тянул, но ко всему остальному... Впрочем, фразу он построил довольно литературно, проявив если не уровень образования, то наличие, во всяком случае, какой-то начитанности. Официантка успела заменить нам приборы, фрукты уже лежали в общей вазе на столе. Максим заказал бутылку сухого.

– И еще два фужера, пожалуйста.

– Я вам поставила, – сказала официантка.

– Дополнительно, – попросил Максим.

Следуя правилам хорошего тона, Максим отлил вина в свой фужер, затем наполнил три остальных и свой и подвинул два фужера нашим соседям.

– Не откажитесь, – он приглашающе поднял бокал. – За знакомство!

У меня появилось опасение, что Максим слишком поспешно идет на сближение, но у него все выглядело так мило и непосредственно, что трудно было заподозрить со стороны какой-либо корыстный интерес. Мы познакомились.

Девушка назвала себя Ларой, – не знаю, как она была записана в паспорте, могла быть и Валерией, и Калерией, и Ларисой. Молодой человек, сообщив, что он Вика – Викентий, – особых детективных проблем у меня не вызывал. Пригляделась к его узкоплечей фигуре, чистеньким пальчикам и тому, с каким изяществом он держал тоненькую ножку фужера... – нет, вряд ли эта рука могла ткнуть ножом Мишу Севина, именно ткнуть – расчетливо и сильно, а не ударить с размаху, когда не уверен, куда попадешь.

На буфете у Лили Прохоровой стояли в стаканчике белые хризантемы. Максим опять отправился к официантке, еще одна бумажка опустилась в ее кармашек, и он вернулся с двумя хризантемами. Я пристроила цветок в нагрудном кармане комбинезона; у Лары такого кармана не было на безрукавке, я достала из сумочки безопасную булавку (всегда стараюсь иметь при себе пару таких булавок, при необходимости им можно найти и неожиданное применение, в чем я убедилась в той же школе милиции, когда один наш оперативник-практикант вышел из затруднения с помощью такой вот булавки), и Максим учтиво и ловко пристегнул вторую хризантему к отвороту темно-красной безрукавки и заработал сдержанное «благодарю!».

Барабанщик на эстраде приглашающе ударил колотушкой по тарелкам, молодой бард с норвежскими бакенбардами выбросил перед собой черную змейку микрофонного шнура:

*Я под стеклом, я на витрине
Смотрю в окно в дождливый час...*

Вика поднялся, вопросительно глянул на меня. Тогда и Максим подал руку своей соседке и повел ее следом за нами.

Современный танец хорош тем, что при желании можно установить какую-то дистанцию между собой и партнером и даже замкнуться на себе, не выглядя при этом ни невежей, ни недотрогой. Вика не настаивал на тесном контакте и солировал против меня, резво покачиваясь с боку на бок.

Папа, подари, папа, подари, Папа, подари мне куклу! ...

Максим танцевал с Ларой неподалеку от нас, я поймала его взгляд, одобряюще чуть улыбнулась ему. Вика принял это на свой счет и усиленно заработал плечами.

Закончив играть, оркестранты сели за свой столик и принялись за пиво, устроив таким образом длинный перерыв.

Пока Лара не проявляла ко мне какого-либо заметного любопытства, и это меня беспокоило – нужно было как-то закрепить случайное знакомство. Зато Вика усердно старался привлечь мое внимание. Как я уже заметила, в начитанности ему отказать было нельзя, но пользовался он своими знаниями неумело, шутки его были плоски, а темы скучны. Лара слушала Вику со снисходительной усмешкой, и можно было безошибочно заключить, что какими-либо симпатиями у нее он не пользовался. Нет! Если даже направление нашего поиска правильно, не ради него она рисковала тогда на лестнице, это липший раз убеждало меня, что к преступлению в туалете Вика не имеет прямого отношения.

Кафе закрывалось в одиннадцать часов. Наша программа с Максимом была отработана заранее. Где-то после десяти он раза два взглянул на ручные часы.

– Не опоздаешь? – спросила я.

– Пожалуй, нужно идти. Пока до Толмачева доберусь...

– Улетаете? – спросила Лара.

– Да, в командировку. Оставляю вам на вечер Женю. Не давайте ей скучать!

– Постараемся! – с готовностью откликнулся Вика.

– Пойдем, – сказала я Максиму, – я тебя до дверей провожу.

Максим положил на стол деньги, чтобы официантку не беспокоил наш обоюдный уход, поклонился Ларе, кивнул Вике, и мы спустились в вестибюль.

Получив свое пальто, Максим передал мне номерок с вешалки. Выразительно поглядел на меня. Говорить было нечего, все уже было обговорено заранее, а рядом находились швейцар и гардеробщик. Конечно, он хотел бы сказать, чтобы я вела себя поосторожнее... Я только, кивнула ему, поцеловала в щеку и он ушел.

3

Я вернулась в зал. Лара сидела за столиком одна.

– А Вика? – спросила я.

– Знакомых увидел.

За пятым от нас столиком шумела подвыпившая компания. Вика был среди них.

Я понимала, что кафе вот-вот закроют, это обязывало меня как-то поторопиться. Пока я не знала о Ларе – кроме имени – ровным счетом ничего. Со спокойным холодком она держалась в отдалении, я не находила уместного пути к более тесному знакомству. В любую минуту она могла просто уйти, не приходить больше сюда, и с таким трудом закинутая паутинка может оборваться надолго, если не навсегда.

И пока я маялась, отыскивая какие-либо ходы, полковник Приходько уже нашел их раньше меня. Лара обратила внимание на мой комбинезон. Престижность и ценность нынешнего швейного – да и не только швейного – изделия определяется его фирменной маркой, и если раньше ее скромно ставили где-либо на подкладке, то нынешние фавориты моды навязчиво выносят знак своей фирмы на видное место: либо на задний карман, либо спереди, на оторочку грудного кармана, как на моем комбинезоне.

Фирма «Ренглер» была, разумеется, Ларе знакома, и она поинтересовалась, где я сумела достать такой шикарный комбинезон. И когда узнала, что я работаю у самых истоков импортного благополучия, ее интерес ко мне несколько возрос. Я подтвердила свои возможности, рассчитывая, конечно, на полковника Приходько, так как швейный импорт на наш склад обычно не попадал.

– Мне звонить не стоит, телефон у завскладом на столе стоит, – сказала я.

– Понятно. Тогда я вам свой телефон напишу, – она вытащила из стаканчика на столе бумажную салфетку. – Вот только чем?

Я могла бы сказать, что мне достаточно его услышать, но решила не показывать здесь своих способностей, а достала из сумочки долгопишущий стержень от авторучки – в моей сумочке было достаточно таких вроде бы случайных вещей, начиная от кусочка пластилина, уже упомянутых булавок и бритвенного лезвия, завернутого в ленточку лейкопластыря.

Лара записала телефон на салфетке.

– Домашний? – поинтересовалась я.

– Какой домашний? В новостройке живу. Это – поликлиника районная.

– А кого спросить?

– Да, чего же я... – и она приписала: «Лариса Шарапова».

– Врач?

– Стоматолог.

– Это хорошо.

– Чего «хорошо»?

– Прибегу к вам, когда зубы заболят.

Я засунула салфетку в сумочку. Шарапова подняла бокал, допила вино. Поставила бокал, задумчиво повертела его на столе.

– Скажите...

– Да, – отозвалась я.

– Максим, конечно, вам не муж?

– Конечно, не муж. У Максима жена – геолог. Он сидит в редакции, она путешествует с экспедицией по тайге.

Я немного, что называется, брала грех на душу, так говоря про Максима, – на самом деле у него была жена геолог, только сейчас ее не было в живых. Но сейчас она была мне нужна, я уже догадывалась, в какую сторону повернет наш разговор.

– Счастливая жена, – заключила Лара. – Я бы так не смогла.

– Что не смогли?

– Оставлять мужа одного и не беспокоиться, видимо. Вас-то она хотя бы знает.

– Ах, вы вон о чем... Мой дядя знал Максима еще школьником, он Максиму почти как отец, Максим извечный дядин партнер в шахматы, и я для него значу меньше, чем пешка на шахматной доске.

– Так уж?

– Представьте себе. Я живу у дяди недавно, никого здесь не знаю, никуда не хожу, – я начала играть свою роль. – Сегодня дядя упросил Максима вывести меня в люди. Максиму нужно ехать в командировку, но он согласился показать мне кафе. И вот я здесь, одна. Поэтому так рада нашему застольному знакомству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.